

умеет делать так, что ученику во время урока почти сразу становится понятно, какие перед ним стоят задачи и над чем нужно дальше работать. В этом проявляется большое педагогическое дарование Михаила Сергеевича. Я всегда поражалась, как быстро он умеет проникнуть в самую суть затруднений ученика. И не только проникнуть, разумеется: будучи превосходным пианистом, Михаил Сергеевич всегда умеет подсказать – как и где найти практический выход из возникающих трудностей» [Там же, с. 227].

Итак, педагогическая деятельность М. С. Воскресенского неразрывно связана с Московской консерваторией и развитием творческого наследия его наставника. Высочайший уровень пианизма и педагогические достижения учеников М. С. Воскресенского являются свидетельством того, что преемственность традиций сохраняется и получает свое естественное воплощение в деятельности многочисленных последователей и учеников профессора Л. Н. Оборина.

Идеальный вкус, чувство меры в исполнении, безупречное поведение за роялем, экономные движения – важнейшие признаки педагогической школы Воскресенского. Мудрый мастер владеет редким искусством воздействия на своих учеников, унаследованным в процессе обучения и найденным в исполнительской и педагогической деятельности, сохраняет и приумножает их индивидуальность.

1. Цыпин, Г. М. Портреты советских пианистов : муз.-критич. ст. / Г. М. Цыпин ; рец. А. Д. Алексеев. – М. : Сов. композитор, 1982. – 239 с.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. А. Тихонова,

*доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
социально-философских наук*

Московского государственного института культуры

Значительное внимание к вопросам элитарной, «высокой» и «низкой», культуры, дискуссиям многих исследователей,

особенно усилившимися с формированием концепта «массового общества», развернутая характеристика которого была представлена в трудах философов Хосе Ортега-и-Гассета («Восстание масс»), Карла Ясперса («Духовная ситуация времени»), Освальда Шпенглера («Закат Европы»), социологов Жана Бодрийяра («Фантомы современности»), Питирима Сорокина («Человек. Цивилизация. Общество»), актуализирует необходимость всестороннего осмысления понятия «массовая культура» в современных условиях развития общества.

Феномен массовой культуры зародился еще в поздней античности, в эпоху римской цивилизации, по утверждению Д. Уайта, сформировался принцип «хлеба и зрелищ». Неслучайно в эпоху римской государственности и расширении ее пределов была трансформирована древнегреческая традиция «пайдейи» как сферы, по словам профессора М. М. Шибаевой, посредничества между «макрокосмосом Вселенной и микрокосмосом человека», носившей «микроромантический характер» [6].

В римский же период «стал доминировать прагматический подход к нормам, ценностям и образцам, значимость которых определялась, в основном, критерием полезности для великой и могущественной метрополии» [Там же]. Именно в этот период можно констатировать проявление различий между элитарной и массовой культурой, между типами личности, ориентированными на потребности и вкусы толпы, и элитными, приверженными диалогам о нравственности, спорам о назначении искусства, чтению текстов древних мыслителей. Это фактически означало возникновение двух типов культуры: «массовой», отражающей вкусы потребностей масс (толпы), и «элитарной», приверженной к высоким вкусам, исключительно распространенным в среде высокообразованной элиты.

Наиболее рельефно сущностные черты массовой культуры проявились в период Нового времени, научно-технические достижения которого создали реальные возможности распространения знаний, включения масс в процессы индустриализации, урбанизации, демократизации общественной жизни, возможности становления всеобщей грамотности населения.

При деградации многих форм доиндустриального типа общества формировались такие культурные вкусы масс, которые соответствовали основополагающим ценностям «общества потребления» с его устремленностью к получению удовольствия, не обремененному высоким нравственным смыслом. Именно такая культура была востребована сформировавшимся средним классом, представлявшим многочисленный сегмент общества. Он и был в основном ориентирован на восприятие наиболее упрощенных образцов культуры. Критическое осмысление массового общества с его «массовой культурой» представителями научного мира XX в. во многом определялось негативным отношением к ее коммерциализации. Питирим Сорокин, рассуждая, в частности, о предназначении искусства в современном ему обществе, с горечью отмечал, что «искусство постепенно становится товаром, произведенным <...> в первую очередь для продажи, <...> для релаксации, потребительства, развлечения и удовольствия, для стимуляции нервов и сексуального возбуждения» [3, с. 345]. Обвиняя современное ему западное искусство в аморальности, безнравственности, антисоциальности и антирелигиозности, он сравнивал его с позолоченной раковиной, с которой можно поиграть в минуты расслабления. «Как коммерческий товар для развлечений, – писал П. Сорокин, – искусство все чаще контролируется торговыми дельцами, коммерческими интересами и веяниями моды. <...> Подобная ситуация творит из коммерческих дельцов высших ценителей красоты и принуждает художников подчиниться их творениям, навязываемым вдобавок через рекламу и другие средства массовой информации» [Там же]. Негативно оценивая массовую культуру, представители Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, В. Беньямин, Г. Маркузе) подчеркивали, что «массовая культура» формирует у потребителей пассивное восприятие действительности, конформизм, инфантилизм, позволяет манипулировать сознанием личности. Но при этом Ортега-и-Гассет дополняет образ «массового человека» такими чертами, как чувством собственного превосходства и всесилія, желанием вмешиваться во все, бесцеремонно навязывая «свою ничтожность и плебейство». Он сравнивает такого человека с варварами, не считавшимися друг с другом.

Продолжая подобную тональность в оценке культуры «массового человека», представители, в основном западной литературы XX в., образно ассоциировали массовую культуру с чудищем, пожирающим в человеке все человеческое. Именно в таком виде оно (чудище) представлено главным героем антиутопий, книг-кошмаров Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Р. Брэдбери, Р. Шекли.

Однако по мере усложнения социокультурных реалий, развитием модернизационных процессов, вступлением человеческой цивилизации в информационную стадию изменяются и тенденции усвоения людьми внешних условий их жизни, их реакция на новые культурные символы, отражающие новые мироощущения человека. Как заметил профессор А. Я. Флиер, «каждый раз со сменой живущих поколений происходит и определенная динамика культур и «мира человека» [5].

В контексте теории социокультурной динамики П. Сорокина можно предположить, что современная массовая культура, включившая в себя социальный опыт жизни отдельных людей и сообществ индустриального и постиндустриального типов развития человеческого общества, представляет некую нарождающуюся модель нового социокультурного феномена, в определенной степени отражающую прогнозы П. Сорокина о возможности появления «новой идеациональной культуры» [3, с. 452], которая может возникнуть в результате преодоления человечеством в его динамичном развитии негативных явлений периода торжества «чувственной», потребительской «массовой культуры». Подобные предположения основываются на учете расширяющихся в условиях информационного общества пределов познания человеком окружающего мира, преодоления границ пространства «высокой» культуры, изменения самого облика потребителя культурной продукции. Современный глобализационный процесс не только расширяет аудиторию потребителей массовой культурной продукции, но и изменяет их вкусы, преодолевая планку устоявшихся стандартов этой продукции.

Созданием привлекательного товарного вида современных образцов массовой культуры занимаются профессионалы, представители культурной элиты с целью усиления к ним ин-

тереса зрителей, читателей, слушателей, пользователей интернет-сайтами. Все более распространяется точка зрения ряда исследователей, что массовая культура в нынешних реалиях не полностью подчиняется законам рыночной экономики [2], ибо она не только товар, но и определенная духовная ценность [1, с. 307]. С учетом новых акцентов относительно понятия «массовая культура», когда через систему массовых коммуникаций миллионы людей получают возможность знакомиться с произведениями элитарной культуры, всесторонний анализ феномена массовой культуры позволяет выявить и ее позитивную функцию: приобщение масс к духовным ценностям, ранее доступным лишь ограниченному кругу культурных элит. Представители научного сообщества, придерживающиеся подобной точки зрения, исходят из того, что субъектом массовой культуры является не просто масса, но и индивид, объединенный с другими индивидами множеством различных связей. С возрастанием образовательного уровня людей, появлением новых потребностей, иных интересов трансформируются и культурные потребности масс в целом, и личности в частности. Это и является основой предположений о возможности изменения характера «массовой культуры» от «дегуманизованного» (термин Хосе Ортега-и-Гассета) к «сверхгуманизованному», соотносённому с ныне все более вызывающими интерес идеями о выборе стратегического курса, направленного на формирование подлинно гуманистических модернизационных преобразований [4].

Ныне все чаще разнообразные виды массовой культуры обращаются к универсальным общечеловеческим ценностям: здорового образа жизни, бережному отношению к природе, милосердию, миролюбию, сохранению семьи и т. д. Это подтверждает мысль о том, что облик массовой культуры как некоего нового социокультурного феномена зависит от самих творцов культуры и от тех ценностных потребностей личности, которые формируются на основе ее приобщения к культурным образцам и нормам, соотносённым с духовно возвышающими личность морально-нравственными принципами.

1. Крутоус, В. П. Культурная самоидентификация человека в условиях глобализации / В. П. Крутоус // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. – М. : Гос. ин-т искусствознания, 2005. – С. 284–309.

2. Разлогов, К. Э. Массовая культура – универсальная парадигма современности / К. Э. Разлогов // Теоретическая культурология. – М. ; Екатеринбург, 2005. – С. 304–311.

3. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. А. Ю. Союмонов ; пер. с англ. С. А. Сидоренко. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

4. Тихонова, В. А. Модернизация в контексте цивилизационного развития: социально-философский аспект / В. А. Тихонова // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 2. – С. 15–21.

5. Флиер, А. Я. Культура как репрессия / А. Я. Флиер. – М., 2006. – С. 25.

6. Шibaева, М. М. Массовая культура: миф или реальность : сб. ст. / М. М. Шibaева. – М., 2010. – С. 10.

ИСТОРИЯ БИБЛИОГРАФИИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ УКРАИНСКИХ УЧЕНЫХ

Е. Н. Тодорова,

*кандидат педагогических наук, доцент, доцент Харьковской
государственной академии культуры*

После провозглашения независимости Украины в 1991 г. начался период формирования суверенного государства, украинского национального сознания. Одним из факторов этого процесса является научное исследование истории, литературы, культуры. Библиография как составная часть украинской культуры призвана решать не только теоретические проблемы, но и изучать сложный путь развития для установления исторической правды, ликвидации «белых пятен», возвращения в научный оборот имен выдающихся деятелей, незаслуженно забытых, замалчиваемых.

В настоящее время актуальной остается проблема всестороннего и научно обоснованного исследования истории